

Политик Сергей Михеев как дискурсивная личность

Сидорова Татьяна Александровна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
163002, г. Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, 17
доктор филологических наук, профессор
E-mail: t.sidorova@narfu.ru

Аннотация: В статье представлено лингвоперсонологическое исследование, направленное на описание образа дискурсивной личности конкретного политика. Реализуется когнитивно-дискурсивный анализ, базирующийся на лингвориторическом подходе в целом. Предметом исследования являются содержательные доминанты и смысловые конструкты дискурсивного поведения российского политика Сергея Михеева, когнитивные и лингвориторические механизмы интерпретации речевых действий как компонентов дискурсивного поведения личности с целью определения её лингвориторической компетентности. Содержательные доминанты мы соотносим со смысловыми конструктами, которые задаются личностью и детерминируются её ценностными установками, потребностями, мировоззрением и мировосприятием. Именно смысловые доминанты, конструкты и пресуппозиции манифестируют инвентивные механизмы дискурсивной деятельности личности. Исследование осуществляется в рамках темы «Россия – Украина». Доказано, что Сергея Михеева следует отнести к смешанному типу элитарной языковой личности, прагматически ориентированной. Данный тип характеризуется несколькими моделями речевого поведения. Дискурсивная личность Сергея Михеева является прототипом языковой личности успешного политика будущего времени. Как дискурсивная личность, он совмещает в себе те качества политического деятеля, которые идеологически близки подавляющей массе населения России.

Ключевые слова: дискурсивная личность, дискурсивное поведение, смысловая доминанта, смысловой конструкт, лингвориторические механизмы дискурсивной деятельности, социокультурный контекст.

УДК 801.7

Politician Sergey Mikheev as a discourse personality

Tatyana A. Sidorova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia
163002 Arkhangelsk, Severnaya Dvina Emb., 17
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: t.sidorova@narfu.ru

Abstract: The paper presents a linguistic personological study intended to describe the image of a discourse personality of a particular politician applying the cognitive-discourse analysis within the scope of the linguistic rhetorical approach. The subject of the study is the dominant ideas and semantic constructs of the discourse behaviour of the Russian politician Sergey Mikheev, cognitive and linguistic rhetoric mechanisms of interpreting speech acts as components of the discourse behaviour of a person to identify his linguistic rhetorical competence. The dominant ideas are matched with semantic constructs preset by this personality and determined by the system of his values, needs, worldviews and world perception. These dominant ideas, constructs and background knowledge demonstrate inventive mechanisms of the discourse activity of this personality. It is proved that Sergey Mikheev belongs to the mixed type of an elitist and pragmatically oriented linguistic personality characterized by several models of speech behaviour. The discourse personality of Sergey Mikheev is a prototype of the linguistic one of a successful politician of the future. As a discourse personality, he combines the features of a professional politician who is ideologically aligned with the overwhelming majority of Russian population.

Keywords: discourse personality, discourse behaviour, dominant idea, semantic construct, linguistic rhetoric mechanisms of discourse activity, sociocultural context.

UDC 801.7

Введение. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью роли языковой личности в дискурсе вообще и в политическом дискурсе в частности. В настоящее время отмечается возрастание интереса к изучению прагматико-коммуникативного и когнитивно-дискурсивного подходов к исследованию политического дискурса, сочетающихся с лингвориторическим. Основополагающим остаётся положение Л.П. Якубинского о необходимости «рассмотрения языка в зависимости от условий общения» [Якубинский 1986: 18]. Основная цель исследования – определить статус дискурсивной личности политика Сергея Михеева на основе выявления её особенностей. Объект исследования – языковая личность в дискурсивном аспекте. Предмет исследования – особенности языковой личности в речеповеденческом аспекте в процессе дискурсивной деятельности как показатель её статуса.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённые анализу дискурсов в различных аспектах: прагматическом (Т.Г. Винокур, Т.А. ван Дейк, Дж. Лакофф, Р. Ленекер, Е. Шейгал и др.), когнитивном (Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Ч. Филлмор, У. Чейф и др.), коммуникативном (Т.А. ван Дейк, М.Ю. Олешков, В.И. Карасик, И.А. Стернин и др.), лингвориторическом (Н.А. Безменова, А.А. Ворожбитова, Ж. Дюбуа, А.К. Михальская, Г.Г. Хазагеров и др.). В качестве основного в работе реализуется когнитивно-дискурсивный подход, базирующийся на лингвориторическом в целом. Центральным принципом является антропоцентрический, обеспечивающий анализ языковых и дискурсивных явлений в тесной связи с коммуникативной/дискурсивной личностью (Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Алефиренко, Т.Г. Винокур, М.Л. Макаров, К.Ф. Седов и др.). Лингвориторический подход коррелирует с когнитивно-дискурсивным в аспекте антропоцентризма, поэтому оба подхода считаем наиболее адекватными для выявления специфики дискурсивной личности. Личность в дискурсивном аспекте является создателем и потребителем дискурса. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет глубже осмыслить личность Говорящего (адресанта, продуцента) и выявить особенности концептуализации знаний, объективированных в политическом дискурсе. Политическая реальность, создаваемая дискурсивной личностью, отражает особое категориальное сознание, базирующееся на наглядно-чувственном опыте и оценке политических событий, поскольку дискурсивная личность является одновременно носителем определённой идеологии, в процессе исследования мы опираемся на идеологические доминанты её речевых поступков: Этнос, Пафос, Логос и Софию.

В работе также осуществляется опора на труды, посвящённые изучению языковой личности в различных её аспектах (Г.И. Богин, И.Н. Борисова, Т.Г. Винокур, А.А. Ворожбитова, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов и др.). Материалом для исследования стали выступления Сергея Михеева по теме «Россия и Украина» в передаче «Вечер с Владимиром Соловьёвым» (Первый канал, т/п «Вечер с Владимиром Соловьёвым». 08.10.2018; 07.03.2018; 16.03.2018).

Обсуждение. Соглашаясь в целом с высказыванием В.В. Красных о том, что «человек говорящий» в ходе общения выступает в единстве всех своих ипостасей» [Красных 2001: 151–152], считаем возможным выделение личности в дискурсивном аспекте как дискурсивной личности. Под дискурсивной личностью при этом понимается личность, чья деятельность направлена на порождение и/или восприятие дискурса, т.е. личность, осуществляющая дискурсивную деятельность. Для дискурсивной личности характерна установка на сам процесс взаимодействия, что находит отражение в дискурсивном поведении личности, которое подвергается анализу в процессе исследования. До сих пор не решён вопрос о статусе термина «дискурсивное поведение личности». Например, К.Ф. Седов в понятие «дискурсивное поведение» включает понятие «дискурсивная деятельность» [Седов 2004: 9]. Т.Г. Винокур рассматривает это понятие как производное от понятия «речевая деятельность» [Винокур 1993]. Этой точки зрения придерживается и И.Н. Борисова [Борисова 2005], осмысливающая речевое поведение, в том числе и дискурсивное, как форму проявления речевой деятельности. Мы согласны с учёным в определении особой роли социокультурного контекста при анализе речевого/дискурсивного поведения [Борисова 2005: 142]. По аналогии с аспектами языковой личности (речевая личность, коммуникативная, дискурсивная, текстовая) выделяются и типы речевого поведения. Дискурсивным считается коммуникативное поведение, рассмотренное в «двустороннем», интерактивном, интересубъектном плане, как скоординированное с поведением другого субъекта [Усачёва 2011: 35]. О дискурсивном взаимодействии личностей и их стратегий в конкретном коммуникативном эпизоде пишет и М.Л. Макаров [Макаров 2003: 217].

Дискурсивная личность С. Михеева, взаимодействуя с адресатом, постоянно возбуждает рефлексии, особенно социокультурные и исторические. Например, интерпретируя событие «пожар в Доме профсоюзов» в Одессе (Первый канал. «Вечер с Владимиром Соловьёвым». 08.10.2018), политик даёт жёсткую оценку оправданиям ради высокой цели. Смысловой доминантой его высказываний является нравственная установка: *Убийство людей даже ради высокой цели – это безнравственно*. В анализе используется категория Этноса, выполняющая регулятивную функцию: *Она сказала: «Хорошо, по большому счёту, что их сожгли, потому что это уберегло нас типа от гражданской войны, от российской оккупации. Жалко, что этого не было в Донецке и Луганске, потому что там тоже тогда было бы хорошо». А ты пытаешься сейчас, знаешь, как казуистический адвокат американский, вывести из её слов то, чего она на самом деле не говорила*. Очевидно, что политик апеллирует к нравственным социокультурным ценностям. Здесь же он обращается к собственному эмотивному пространству: *Я не хочу, чтобы на Украине умирали миллионы людей, пусть даже моих врагов. Понимаешь, в чём разница? Политик использует дискурсивный знак ориентации (свои – враги) [Шейгал 2000], усиливающий его эмоционально-негативную экспрессию, объективирующую категорию Пафоса. Апелляция к Логосу в дискурсе С. Михеева часто реализуется посредством сентенций: *Проблема многих украинских экспертов состоит в том, что они сами себе врут*. Говорящий, ориентируясь на адресата, эффективно использует диспозиционный механизм, выстраивая свой дискурс в соответствии с законами логики. После негативной оценки речевого поведения партнёра по коммуникации он в жанре поучения предлагает: *Можно было бы сказать, что в результате трагических событий, произошедших на Украине, действительно случилось большое количество человеческих драм, жертв и беззаконий. Это граждане Украины. Мы испытываем по этому поводу сожаление, независимо от того, каких политических убеждений они придерживались. Все! Вот. А так как этого не гово-**

рится, а говорится совсем другое, действительно совершенно правомерны параллели с нацистской Германией. Почему? Потому что идеологи нацистской Германии напрямую говорили, что можно уничтожить несколько миллионов, в том числе славян, так сказать, – русские, белорусы, украинцы, туда-сюда, можно уничтожить для торжества арийской нации. Автор выстраивает причинно-следственные отношения (обращение к Этосу) и тут же объясняет используемый для отождествления ситуаций образ (категория Софии).

На основе пресуппозиций в дискурсе С. Михеева посредством когнитивного механизма инференции сформулированы следующие смысловые доминанты: *Украинская элита порочна и некомпетентна; Украина видит в России врага; Украинский режим преступен; Украина зависит от Запада; Украина и Запад руководствуются двойными стандартами; Любая революция порождает мифы, поэтому она разрушительна для государства; Россия проводит дружественную политику в отношении Украины; Запад навязывает Украине свою идеологию* и т.п. К смысловым конструктам мы отнесли ключевые идеи, базирующиеся на ценностных ориентирах, смысловых доминантах и пресуппозициях дискурсивной личности: *идея несостоятельности прозападного развития Украины; идея порочности власти Украины и нынешнего режима; идея взаимовыгодных отношений между Россией и Украиной.*

Приведём высказывание, объективирующее смысловую доминанту **Украина видит в России врага:**

«Страна, которая обвиняет Россию в агрессии, которая много лет говорит о том, что она хочет вырваться из этих вот жутких объятий тоталитарного режима, что единственная мечта – это освободиться от России полностью, – все еще в СНГ».

Семантическая пресуппозиция – *Украина обвиняет Россию в агрессии; Украина считает Россию тоталитарной страной и хочет быть независимой от России.* Прагматическая пресуппозиция – *Если Украина проводит антироссийскую политику, то она не должна быть в союзе с Россией.* Эстетическая пресуппозиция – использование метафоры «*жуткие объятия тоталитарного режима*» (маркер чуждости).

Высказывание, объективирующее смысловую доминанту **Украинский режим преступен:**

Понимаете, что вот этот релятивизм нравственный, то есть вот эта относительность всего, она неизбежно приведет к катастрофе и все равно к вам вернется.

Логическая пресуппозиция – *закрывая глаза на беззакония, украинцы разрушают страну, в которой им же предстоит жить.* Прагматическая пресуппозиция – *нельзя нарушать нравственные законы. Социокультурная – как аукнется, так и откликнется.* Это агональные знаки осуждения действий украинской власти.

Высказывание, объективирующее смысловую доминанту **Революция разрушительна для государства:**

Любая революция, она рождает огромное количество мифов. Ей так нужно. Она нуждается в том, чтобы, грубо говоря, сегодня, сейчас, любой ценой заставить людей пойти за ней. Иначе все равно дело опять вернется к насилию. Потому что в противном случае любая революция, она начнет пожирать своих детей.

Логическая пресуппозиция 1 – *истинные мотивы и цели революции способны оттолкнуть людей, поэтому нужны мифы.* Логическая пресуппозиция 2 – *революционный террор в результате обращается против тех, кто его проводит.* Эстетическая пресуппозиция – *использование прецедентного высказывания «революция, как Сатурн, пожирает своих детей».* Высказывание принадлежит деятелю Французской революции Жоржу Жаку Дантону, казненному своими же соратниками. Смысл фразы: логика послереволюционных событий такова, что борьба между самими революционерами становится неизбежной. Высказывание становится маркером чуждости – агональный знак семиотического пространства дискурса. Семантические и прагматические пресуппозиции коррелируют с категорией Логоса, социокультурные пресуппозиции – с категорией Этоса, а эстетические – с категориями Пафоса и Софии.

Следует заметить, что этнокультурные пресуппозиции в дискурсе часто возникают на основе ассоциации (например: *как аукнется, так и откликнется*). Анализ показал, что в основе смысловых конструктов в дискурсе С. Михеева лежат нравственные установки народа: *Плохой мир лучше доброй ссоры; Ложь разъедает; Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?* (И.А. Крылов) и др. Иногда политик лишь намекает на социокультурный смысл: *У нас дискуссия эта ведётся, но точки над «ё» уже давно расставлены* (Первый канал. Вечер с Владимиром Соловьёвым. 08.10.2018). Выражение является шуточным вариантом известного устойчивого сочетания «расставить все точки над «и» и означает «уточнить все подробности» [Белянин, Бутенко 1994]. Но следует учесть, что буква «ё» стала знаком негативной оценки и в данном контексте может маркировать модус осуждения способа захвата власти Ельциным. Поэтому политик называет этот захват «вооружённой незаконной узурпацией». Исследование показало, что в индивидуальном когнитивном пространстве Сергея Михеева доминируют социокультурный и ценностный компоненты.

В научной литературе до сих пор сосуществуют различные основания для типологии языковой личности. Например, с позиции психолингвистики [Горелов, Седов 1997], дискурсивную личность С. Михеева можно отнести к рационально-эвристическому типу языковой личности, поскольку политик склонен выражать негативные эмоции косвенно, посредством образных средств, проявляя иронию. Он тщательно отбирает языковые и дискурсивные средства в зависимости от цели дискурса, учитывая прагматический

аспект. Его дискурс является целесообразным, доступным, поскольку он использует разговорные синтаксические и лексические средства, образные.

Согласно типологии В.И. Карасика [Карасик 2004], С.А. Михеева можно отнести к эгоцентрической языковой личности. На это указывают нестандартные для институционального дискурса выражения, предваряемые индикатором «так сказать»: *Даже когда они говорят, что мы ваши друзья, и мы делаем, секунду, и мы делаем все для того чтобы, так сказать, учитывать ваш интерес, они вас обманут. Почему? Потому что к постсоветскому пространству, как и вообще к остальному миру за пределами золотого миллиарда, они относятся как к материалу. Это обидно для украинцев, так сказать, это обидно было и для нас когда-то осознавать. Вот чё думаете, мы как бы не понимали чего-то, да, так сказать, то есть мы какое-то время не понимали, а потом стали понимать. Это важно понимать* (Первый канал. Вечер с Владимиром Соловьёвым. 07.03.2018; 16.03.2018). Кроме того, дискурс политика изобилует яркими оценочными образами: *Такая веселуха; Вот компот теперь. Маленький стакан компота; Порошенко уже начинают расценивать как хромую утку; Украинская власть стала давить на самые больные мозоли и раздирать свою страну в разные стороны; Надо склеивать нацию; Надо бы перерезать все шланги и весь кислород, так сказать; Вы ватники, вы ничё не понимаете (=украинские эксперты); А как сейчас украинские политики делают задний кулбит, сальто через голову; Луценко – клоун, каких свет не видывал* и др. В пользу эгоцентрической личности говорит тот факт, что в своих выступлениях С.А. Михеев крайне редко ссылается на авторитеты или результаты исследований.

С позиции социолингвистики, отнести С.А. Михеева к типичному представителю социальной группы, на наш взгляд, не представляется возможным. Слишком уж нетипична его личность. По крайней мере, для существующих моделей поведения. Так, для социального типа «интеллигент» С.А. Михеев нередко допускает высказывания в адрес оппонентов, выходящие за пределы коммуникативного кодекса. Для типа «телевизионный ведущий» политик слишком категоричен, его высказывания не отличаются гибкостью. Поскольку список социальных типов открыт [Там же], можно предположить, что речь идет о смешанном типе элитарной языковой личности, прагматически ориентированной. Данный тип характеризуется несколькими моделями речевого поведения, что и было показано в процессе анализа. Попадая в ситуации коммуникативной перверсии, Сергей Михеев использует защитные когнитивные механизмы (трансформация в другую концептуальную сферу, вторичная концептуализация, непрямая концептуализация, отождествление концептуальных сфер и др.) и языковые средства (просторечие, жаргон, негативно-оценочная лексика, прецедентные тексты, имена собственные, приращение смысла, контекстные значения, дискурсивные слова и т.п.). Образные и оценочные средства маркируют процесс рефлексивной деятельности политика, нацеленной на взаимодействие с адресатом и мгновенное реагирование. Особое место среди языковых средств занимают знаки интеграции (формы непрямого императива: *нельзя, надо, надо бы, должна* и т.п., местоимение «мы»), знаки ориентации (*политическая элита, украинские эксперты, украинская власть* и т.п.), агональные знаки (*задолбал, заткнись, ё-моё* и др.). Выбор знака объективирует категорию Софии и обусловлен реализацией механизма элокуции.

Поскольку наряду с интенциональностью, интерактивностью и дискретностью сущностной характеристикой дискурсивного поведения является ситуативность, следует отметить зависимость дискурсивного поведения С.А. Михеева от внешних факторов общения. Интерактивность проявляется в том, что его речь всегда адресована либо оппонентам, либо единомышленникам. Интенциональность связана с механизмами вербального воплощения замысла, что мы и показали в процессе анализа. Интенции говорящего выражены в различных пресуппозициях, смысловых доминантах и смысловых конструктах, выделенных нами.

Исходя из анализа и имеющихся у нас представлений о развитии политических тенденций в России, полагаем, что дискурсивная личность Сергея Михеева является прототипом языковой личности успешного политика будущего времени (согласно концепции В.И. Карасика). С. Михеев совмещает в себе те качества политического деятеля, которые идеологически близки подавляющей массе населения России, а модель его дискурсивного поведения позволяет крайне эффективно решать коммуникативные задачи в сфере политики и тем самым добиваться поставленных целей. Поэтому его дискурсивная личность может быть рассмотрена как прототип.

Заключение. Как дискурсивная личность Сергей Михеев характеризуется лингвориторической компетенцией, важной для политика-оратора. Назовём эти специальные компетенции:

- способность выбирать адекватные языковые средства в зависимости от условий общения, социальных ролей участников коммуникации, создавать собственный дискурс;
- умение вступать в контакт с участниками дискурсивной деятельности, поддерживать контакт, рефлексировать в соответствии с целью дискурсивной деятельности, обеспечивать обратную связь, ориентироваться в условиях общения;
- способность понимать различные виды высказываний, самому строить логику последовательности высказываний, выбирать языковые и дискурсивные средства в зависимости от цели;
- умение управлять собственным коммуникативным поведением, в том числе и в случаях сбоя в коммуникации;
- использование пластичности коммуникативных действий, стратегий кооперации, тактик вежливости, уважительности, внимательности, искренности;

- умение учитывать интересы оппонентов по коммуникации и корректировать их точку зрения путём коммуникативного воздействия;
- обладание лидерскими качествами: аргументированность, убеждение оппонента без подавления инициативы, собственная увлечённость и воодушевлённость;
- способность к креативному мышлению: выдвижение собственных инициатив, предложений, гипотез;
- способность анализировать, интерпретировать, оценивать, прогнозировать, предлагать модель поведения;
- способность объективировать в своём дискурсе категории Логоса, Пафоса, Этоса, Софии. Категория Этоса объективируется в дискурсе политика социокультурными и нравственными пресуппозициями, смысловыми доминантами. Категория Пафоса – эмоционально-экспрессивными языковыми и дискурсивными средствами: эмоционально-оценочные лексемы, сочетания, междометия, разговорные синтаксические конструкции, дискурсивные слова, модальные частицы и т.п. Категория Логоса маркируется аргументированностью, доказательностью, апелляцией к речевым, поведенческим, образным стереотипам и т.п., актуализированными механизмами диспозиции. Категория Софии объективируется образными средствами, рефлексивными речевыми действиями, риторическими фигурами, тропами и различными семиотическими знаками. С категорией Софии тесно связана категория коммуникативной инициативы, формирующая определённую социально-психологическую тональность дискурса. Для анализируемой дискурсивной личности характерна тональность убеждённости, искренности. Поэтому его можно считать личностью с высокой коммуникативной активностью.

Маркеры дискурсивного поведения С. Михеева как дискурсивной личности:

- собственно лингвистические: доминирование непрямого общения, смешение стилей, упрощённость синтаксиса, использование тропов, фигур речи, приращённых смыслов, коннотаций, дискурсивных слов и сочетаний и т.п. Среди механизмов реализации лингвориторических компетенций доминируют инвентивный (топы «причина – следствие», «обстоятельства», «сопоставление», «пример»), диспозитивный, элокутивный (ирония, метафора, метонимия, обращение, восклицание, период и т.п.), акциональный (использование интонации, жестов, мимики, повышения или понижения тона и т.п.);
- содержательные: пресуппозиции, смысловые доминанты, смысловые конструкции и предложения реализуют коммуникативные смыслы *разъяснить, скорректировать оценку политического события, поведения политика, дать собственную оценку политическому факту, убедить оппонента, изменить точку зрения адресата, сформировать новую точку зрения* и т.п.;
- социокультурные: использование прецедентных феноменов, знаков текущего политического момента, интерпретация политического события не только с опорой на собственное языковое сознание, но и на этнокультурное, доминирование нравственных установок; создание социально-психологической тональности убедительности и убеждённости;
- прагматические: использование стратегий и тактик кооперации, непрямого побуждения; установка на конструктивный диалог в целом; доминирование аксиологии народа; сочетание лингвистических и экстралингвистических (жесты, мимика, интонация) средств воздействия; соединение целенаправленных, контролируемых речевых действий с неосознанными, произвольными, в том числе эмоциональной реакцией. Дискурс С. Михеева нацелен на стимулирование в языковом сознании адресата процессов изменения отношения к политическим фактам, их переоценке.

Таким образом, С. Михеев – прототип элитарной дискурсивной личности смешанного типа с высокой коммуникативной активностью.

Библиография

- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993. – 172 с.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 477 с.
- Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
- Усачёва О.Ю. Анализ дискурса диалогической коммуникации в Интернете. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 370 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2000. – 431 с.
- Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы: язык и его функционирование. – М., 1986.